

Bulgarian Ethnolinguistic Lexicography in the New Millennium

The report examines in detail the features of ethnolinguistic dictionaries, which are developed in the Section of Ethnolinguistics of the Institute of Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”, Bulgarian Academy of Sciences, — the new in their concepts and realization. A comparison is made between them and the ethnolinguistic lexicographic products made by collaborators of the Moscow and Lublin schools.

DOI: 10.31168/0459-6.32

А. А. Плотникова (Москва, Россия)

Карпатские параллели к балканским мотивам воздушной битвы

В докладе речь пойдет о карпатских аналогиях к известным у славян на Балканах представлениям о том, что бурю, грозу, град, сильный ветер вызывает змей-дракон, летающий в облаках. Ранее мною неоднократно рассматривались особенности сербских, черногорских, македонских, болгарских, а также и албанских поверий о воздушной битве двух змееподобных персонажей, вызывающей непогоду, см., например, (Плотникова 2004: 222–231, 658–676; Плотникова 2013: 51–65, 183–192). Карпатские параллели к этому сюжету встречаются как у славян (словаков, украинцев), так и у их соседей (румын, венгров).

Смежная с болгарской и сербской территориями румынская часть карпато-балканского диалектного ландшафта характеризуется значительным числом ранних и поздних заимствований из южнославянских языков и культурных традиций. Румынские лексемы *zmeu* (ранее заимствование из славянских языков), (*h)ala* (позднее заимствование из

болгарского и сербского) относятся к обозначению змеев-драконов, с которыми, например, связываются различные представления об их борьбе между собой, что вызывает либо дождь (ливень, град), либо засуху, а также смерч и бурю в зависимости от того, победят ли в битве «змеи дождя», «змеи засухи» или «змеи ветра» (Muşlea, Bîrlea 1970: 183). Синонимическим обозначением атмосферного змея-дракона у румын становится исконная лексема *balaur*, о специфике происхождения которой см. (Калужская 2001: 71–91). Идентичные змеям-драконам «балауры», по румынским поверьям, собираются вместе в определенное время года и устраивают в облаках драку, отчего начинается гроза, буря, а от напряженного дыхания «балаура» на землю выпадает град (Muşlea, Bîrlea 1970: 186–187; Bîrlea 1976: 24).

В традициях, более удаленных от собственно балканской части рассматриваемого ареала, для обозначения змея-дракона употребляется унгаризм: среднесловац. *šarkan*, *šarkan*¹, зап.-укр. *шаркант(ь)*, *шаркань*², венг. *sárkány* (ср. также у хорватов Славонии на пограничье с Венгрией: *šarkanj* в том же значении)³. При этом непогодный демон, именуемый шарканью, по поверьям, никогда в итоге не появляется без своего «наездника» — управляющего им чернокнижника (венг. *garabonciás*, рум. *şolomonar*, укр.-карпат. *вітреник*, словац. *planetník*, *chmarník*, *čiernokňazník*)⁴, по сути двойника змея-дракона (Калужская 2001: 81), о чем, в частности, свидетельствуют возможные превращения змея в «гарабонцияша» или, наоборот, «гарабонцияша» — в змея во время появления демона среди людей с целью добыть пропитание, не получая которого сверхъестественное существо мстит

¹ См. (Валенцова 2020: 135).

² См. (Толстая 2017: 144–147; Левкиевская 2009).

³ См. (Franković 1990: 114, 129–131).

⁴ Подробнее см. (Левкиевская 1999: 151; Валенцова 2020: 135; Белова, Виноградова 2010: 48).

людям, осыпая сверху их угодыя градом, см., например, (Ващенко 2014: 301–302).

Встречаются свидетельства, что управляющие драконом чернокнижники, как и сами змеи-драконы, могут вступать в битву друг с другом: так, в румынском Банате *şolomonar*, предводитель змея-дракона, местным жителям виделся как человек со сверхъестественными способностями (называемый также и *vîlva*), который боролся с другим таким же полудемоном из соседнего села (Muşlea, Bîrlea 1970: 187). Вторичные значения лексемы *zmeu* в румынском могут указывать на более широкое распространение у румын в прошлом мотивов героической битвы, в которой участвует змей, например: *zmeu* ‘герой-витязь’, ‘храбрый воин’, ср. также выражение *a se lupta ca un zmeu*, т. е. храбро сражаться, букв. ‘бороться, как змей’ (DELR: 1047). В целом же в карпатских традициях мотив змея-дракона как защитника локуса (что характерно для сербской, черногорской, македонской и албанской традиции) выражен слабо.

Тема борьбы змея-дракона с себе подобными или с мифическим защитником места в карпатских традициях имеет разные вариации. Например, в украинском Закарпатье бытует легенда о победе князя Корятовича над многоголовым змеем драконом *шарканти*, несущим бурю и разрушения (Толстая 2017: 144⁵; Потушняк 1941: 102). У румын о молнии на небе говорят, что бьются змеи-драконы (*se bat zmeii*), пока св. Илия не поразит их громом (Muşlea, Bîrlea 1970: 183–184), что косвенно отсылает нас к основному мифу о Боге-громовержце, имеющему более отчетливые реликты у южных славян, см., например, (Михайлов 1996).

Характерный для балканских традиций мотив борьбы со змеем человека, душа которого оставляет тело во время сна, прослеживается в румынских народных верованиях.

⁵ Там же литература о карпатоукраинских фиксациях легенды.

Например, во время сна души злых, «нечистых» людей поднимаются в небо, где в облике «балауров» бьются с себе подобными (Bîrlea 1976: 23). На украинских Карпатах распространено поверье о двоедушниках: их вторая («злая») демоническая душа устремляется в небо на борьбу с себе подобными, пока тело остается в состоянии сна, при этом побежденный должен пропустить на свои поля тучу победителя (Левкиевская 2009).

Карпатская палитра сюжетов и мотивов о воздушной битве демонов непогоды в разных вариантах продолжает аналогичные балканские поверья. Вместе с тем специфика карпатского культурного ареала связана и с рядом особенностей, которые, если и встречаются на Балканах, то лишь в северных частях, граничащих с Венгрией и Румынией, — речь идет, прежде всего, о верованиях в предводителя слепого змея-дракона, несущего людям град. И наоборот, в карпатских традициях практически отсутствует тема героизма положительного защитника полей и угодий — образа, столь характерного для восточносербских, македонских, черногорских и восточногерцеговинских мифологических представлений, ср. сюжеты борьбы человека со свойствами змея-дракона против вредоносных «аль», «ламии», «аждаи» или междоусобную борьбу «здухачей», во время сна превращающихся в драконов, орлов, быков и т. п. Отметим и значительную стертость в настоящее время всех описанных поверий на Карпатах, в меньшей степени — на Балканах.

Литература

- Белова, Виноградова 2010 — Белова О. В., Виноградова Л. Н. Черно-книжник (Из словаря «Славянские древности») // Славяноведение. 2010. № 6. С. 45–48.
- Валенцова 2020 — Валенцова М. М. Словацкая демонология. Краткий очерк // Славяноведение. 2020. № 4. С. 128–148.
- Вашенко 2014 — Вашенко Д. Ю. Этнолингвистические материалы из села Шашка (западная Венгрия) // Карпато-балканский диалект-

- ный ландшафт: Язык и культура. [Вып.] 3: 2012–2014 / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. А. А. Плотникова]. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2014. С. 278–306.
- Калужская 2001 — *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей) / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения, Ин-т языкознания. М.: Индрик, 2001.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Духи атмосферные // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 150–153.
- Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Откуда на Карпатах град берется? // Форум славянских культур, 2009. URL: <https://sklavinyu.ru/proekty/slavyane/levk0409.php> (дата обращения: 06.10.2021).
- Михайлов 1996 — *Михайлов Н. А.* Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 127–141.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. (Традиц. дух. культура славян. Современ. исследования).
- Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013.
- Потушняк 1941 — *Потушняк Ф.* Гад в народном віруваню // Литературна неділя Подкарпатского общества наук. 1941. № 1. С. 102.
- Толстая 2017 — *Толстая М. Н.* Люди и змеи в центральном Закарпатье (по полевым материалам рубежа XX–XXI вв.) // Антропоцентризм в языке и культуре / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Индрик, 2017. (Б-ка Ин-та славяноведения; 19). С. 107–156.
- Bîrlea 1976 — *Bîrlea O.* Mică enciclopedie a poveștilor românești. București, 1976.
- DEL R — *Dicționarul explicative al limbii române / Academia Română, Institutul de Lingvistică din București.* București: Editura Academiei, 1975.
- Franković 1990 — *Franković Đ.* Mítska bíca u Podravskih Hrvata. Narodne predaje // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. № 9. S. 1–195.
- Muşlea, Bîrlea 1970 — *Muşlea I., Bîrlea O.* Tipologia folklorului. Din răspunsurile la chestionarele lui B. P. Haşdeu. București: Minerva, 1970.

Carpathian Parallels to the Balkan Motives of the Air Battle

The report will focus on the Carpathian analogies to the ideas known among the Slavs in the Balkans that a storm, thunderstorm, hail, strong wind is caused by a dragon snake flying in the clouds. Carpathian parallels to this plot are found both among Slavs (Slovaks, Ukrainians) and their neighbors (Romanians, Hungarians). The specifics of the Carpathian cultural area are linked with a number of features that, if found in the Balkans, then only in the northern parts of Slavic regions bordering Hungary and Romania and these are mostly beliefs about the leader who saddles the blind snake-dragon, carrying hail to people. On the contrary, in the Carpathian traditions, there is practically no theme of heroism of the positive defender of fields and lands that is so characteristic for the Eastern Serbian, Macedonian, Montenegrin and Eastern Hercegovinian beliefs. The vocabulary denoting snake-like characters (participants of the air battle) is also consistently considered when studying the topic.

DOI: 10.31168/0459-6.33

О. В. Трефилова (Москва, Россия)

Болгарская диалектология на службе этнолингвистики

Этнолингвистические исследования тесно связаны с лингвогеографией; с одной стороны, в них применяются методы картографирования, а с другой, используются результаты картографирования диалектных явлений. Поэтому не только диалектологические исследования дополняют этнолингвистические, но и этнолингвистические могут верифицировать и дополнять диалектные данные.

Хотя начало лингвогеографических исследований принято связывать с именем Г. Венкера (G. Wenker), присту-